

Ш Б

М Н К

Ы И

Б Ы Н К Ж

И Н Ш М К

Н Ш Б К А Б

Н Н Б К Ы

Л
У
Ч
Ш
И
Й

Р
Е
Б
Ё
Н
О
К

В

М
И
Р
Е

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илья Соколов
Лучший ребёнок в мире

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Соколов И.

Лучший ребёнок в мире / И. Соколов — «ЛитРес: Самиздат»,
2012

Безжалостный маньяк непредсказуем. Он оставляет безумные записки на телах своих жертв. Следователь городской прокуратуры Олег Шилов вынужден прибегнуть к помощи не совсем типичного психиатра Захара Темнова для составления профиля неуловимого убийцы. А ещё в том же городе живёт аутичный мальчик, который сам способен найти маньяка... Содержит нецензурную брань.

В оформлении обложки использована иллюстрация с <https://horrorzone.ru> по лицензии ССО.

Кристиан, почти печальный, сидит на крупном диване из множества пуфиков и подушек (как кажется только ему), а еще он тут же сочиняет игру в шахматы для ясновидящих. Это когда в разных закрытых помещениях двое гроссмейстеров «колдуют» над досками, которые пусты с противоположной (вражеской) стороны, затем время партии кончается, шахматные ходы обрабатывает специальная программа в красивом компьютере, а игроки, что делали практически наугад каждый свое, ожидают результатов где-нибудь в кулуарах, а уже после...

Приходит с работы мама. Она улыбается Кристиану. Спрашивает, кушал ли он хоть что-то, но Кристиан, в свою очередь, узнает у нее самой, понравился ли ей пересоленный борщ, приготовленный практиканткой кулинарного техникума в их рабочей столовой рядом с тем ярким местом, где работает мама...

Уже после всего компьютер, обработав данные, предоставляет сразу всем истинную картину игры: он соединяет все ходы двоих игроков между собой, и получается партия целиком. Пусть иногда срывает рокировка, но такие приемы уже легко предсказывать...

Итог таков, что (если шах и мат не вышел) ничью подсчитывают по оставшимся на доске фигурам. А игрокам надо бы совершенствовать свое умение совершать ходы в «шахматах наугад»...

Сидя на уменьшенном диванчике, почти развеселившись до пределов видимого смеха, Кристиан видит маму, а она (переодевшись в домашнее) удобно дарит/дает/преподносит ему игрушечную книжку, что называется обложкой «Больше не уснешь». И мальчик лет шести, с красиво-темно-серыми глазами, темнотой как можно покороче подстриженных волос, двумя излишними зубами (34, 33), которые весьма похожи на клыки змеи-вампира (а может, и летучей мыши тоже), он – Кристиан – крайне решительно открывает мамин подарок и быстро начинает читать первую главу.

За окна выпадет вечер, а Кристиан еще не хочет включать свой личный телевизор собственного сознания, а папа еще не вернулся с работы, а лай собачек во дворе почти затих, а новые страницы «Больше не уснешь» сейчас прочтутся дальше.

Маски мрака окружили Кристиана, но скоро мама позвала его пить какао. Он с огромной охотой отправился на кухню, и тут же уставший папа пришел домой.

Кристиан обрадовался просто до невозможности.

Они поужинали все вместе, после чего даже игрушечную книжку стало читать намного интересней. Он дочитал.

В комнату Кристиана заглянула мама, чтобы пожелать ему спокойного сна. Он положил закрытую книжку на пластиковый подоконник, опять лег под одеяло и выключил яростный свет лампы. Рядом с кроватью все оставалось по-прежнему: по стойке смирно шкаф прижат к стене, как будто бы не слишком хочет шевелиться; приятный стол для «игры в учебу» у окна; воображаемый дракон из пластилиновой фольги, который так замечательно смотрится вблизи стульчика для одежды, что вполне аккуратно сложена здесь и сейчас...

Кристиан предсонно вспоминает нечто зеркальное на тех страничках книжки «Больше не уснешь». Те непонятные значки после слова «Глава», они повторялись перед каждым эпизодом захватывающего текста, но Кристиан так и не смог их разглядеть.

Он просто-напросто не способен воспринимать цифры.

Зато мама и папа все равно его любят. И это ничего, что он у них приемный.

Кристиан спит.

Для тех двоих людей за стеной – он лучший ребенок в мире.

Желток тусклого фонаря на улице Ленина (в самом заброшенно-безлюдном ее месте) едва ли делает дорогу к дому для подвыпившей студентки на этом перекрестке более светлой.

Девушка возвращается с веселой вечеринки, где ее подруга очень удачно смогла закадрить (за кадр) одного красавчика, на которого Женя (так зовут пьяную «путешественницу») сама имела виды...

Денег для поездки в такси у девушки, конечно, не имелось – Евгении пришлось покинуть развлекающихся сокурсников/сокурсниц гордо и независимо.

Никто даже не предложил ее проводить. Все просто продолжали напиваться под громкую музыку. Но больше всего Женю взбесил момент, когда эта ее «лучшая» подруга уединилась с тем заветным парнем в одной из комнат, закрыв дверь на замок. Сука чертова! Лохудра! Тварь!

Студентка Женя считала себя гораздо симпатичнее той слащавенькой дуры, которая наверняка сейчас изображает яростный экстаз от секса в полутьме под звуки музыки из соседней комнаты, где остальные пьют водку, пиво и вино, а кроме того – смеются над лучшими шутками друг друга...

Откуда-то слева слышится перестук беговых шагов, и Женя получает хлесткий удар железным концом молотка. Из внезапной раны на ее голове брызгает юная кровь, а некто (быстрый плюс невидимый) бьет девушку снова наотмашь. Дырка в черепе не дает студентке закричать на всю улицу.

Чтобы сделать попытку спастись, Женя даже бежать не может. Безжалостная серия ударов молотком выбивает жизнь из ее, в общем-то, желанного тела... Темнота близ спящих домов равнодушно наблюдает сцену того, как жестокий убийца вынимает из кармана своей куртки листок, сложенный вдвое, и бережно засовывает его под попу трупа (чтобы, не дай Бог, ветром не унесло).

После этого, спокойно оставив убитую Женю лежать на окровавленном асфальте, незнакомец удаляется в ночь, туда, откуда пришел, а черные небеса иссечены звездами очень обычно.

День за окнами кабинета следователя по особо важным делам городской прокуратуры Олега Шилова длился, казалось, целую вечность, которая не смогла бы закончиться вообще никогда. Сыщик (как любила называть Олега Ильича красавица-жена Катя) был довольно молод, но некий опыт по раскрытию весьма сложных дел у него уже имелся.

Вот и сейчас на него спихнули практически мертвый «висяк» более старшие товарищи под предлогом того, что (если раскроет) будет ему слава и почет плюс повышение... Но дело поимки маньяка-убийцы становилось все запутанней, а оперативные мероприятия (усиления патрулирования в ночное время суток; ловля «на живца»; и тому подобное) не приводили ни к чему конкретному.

Кроме незначительных улик Олег Ильич не располагал даже фотороботом преступника – по девяти эпизодам не было даже самого ненадежного свидетеля. Да и жертвы между собой не связаны ни по внешности, ни по социальному статусу, ни по схожести увлечений...

Например, неделю назад обнаружили труп бомжа, а сегодня рано утром местный наряд полиции наткнулся на тело убитой девушки-студентки.

Самого же следователя Шилова изумляла невероятная разница в, так сказать, технике «причинения смерти». То жертву убивают молотком, то душат бельевой веревкой (ее нашли обернутой вокруг шеи школьника, ставшего вторым убитым в серии смертей, маньяк выколол ему глаза перед удушением), а иногда на теле жертвы экспертиза обнаруживает ужасающие видавших виды рваные раны, которые нанесены собакой (предположительно бойцовой породы).

Невольно может возникнуть вопрос: почему Олег Шилов решил, что все девять убиенных – на совести одного человека? А потому, как этот душегуб каждый раз оставляет на месте

преступления письма, если их в принципе можно так охарактеризовать... Все – от руки, почерк разборчивый, но какой-то жутковатый (точно безумец хотел исполнить пугающие ряды иероглифов, а вместо этого получались черные «отпечатки» кошмарных клякс).

Кстати, об отпечатках: в базах данных их, конечно же, нет. И проверка стоящих на учете в ПНД также не дала результатов. Надо было ждать дальше. Вдруг убийца проколется, совершит ошибку, и тогда останется только взять его с потрохами (лишь бы потроха эти не принадлежали очередной несчастной жертве)...

Олег Ильич задумчиво глянул в окошко: вполне погожий день, на небе легко-мягкие облака, все очень безмятежно, почти что маленький рай. Но ангелы здесь крайне злобные ребята. Ведь имя неуловимого маньяка – Ангел. Он сам себя так назвал, подписывая этим прозвищем каждое свое послание.

Ангел, твою мать! Служитель Всевышнего!

Более кощунственной иронии придумать вряд ли возможно... Следователь Шилов снова взял со стола прозрачный «файл», внутри которого находилось последнее письмо убийцы. Текст был такой:

*Девушка Волчица откусит твоё сердце
Океан мрака будет всегда одинок
Сорванное вскользь лицо покоится ровно
Истинная радость долго не длится
Мозг красиво разбит
Свет неотразимо разит
Стон уклончиво разлит
По планете песка сохнет память роз
Кладбищенский букетик
Солнечный смерч рушится почти воздушно и скоро
Теплая кротость весны тает тайными знаками
Мучительная плоть изменяется
ВСЯ!
Кровавый ребенок скрыт где-то ниже
Лед скован железной рукой
Праведность ухмыльнулась
Вторичная сложность становится мерзкой, когда мои рабы
после смерти вырвутся в мир, которого не хватит даже
для жалких, убогих, слепых
Но мощь предстоящая будет страшнее
Стоны нужны
До следующего огня мрачных красок
Ждать осталось мало
Всегда ваш
Ангел
Продолжение следует...*

Вот такое письмецо. Бред сумасшедшего полнейший. Конечно, следователь Шилов должен найти маньяка-убийцу (и совсем не ради повышения, но для покоя мирных граждан, живущих совершенно обычной жизнью, способных радоваться своим родным, друзьям и другим людям; способных приносить успех себе, не пробуя навредить всем остальным)...

Столь идеалистичные представления о жизни абсолютно не помешали Шилову дожидаться окончания рабочего дня. Олег Ильич покинул здание прокуратуры, после чего успел

почти избежать очереди в кассу ближайшего супермаркета, где заботливо купил все необходимое для хорошего вечера в домашнем обществе.

Красавица Катя встречала мужа веселой улыбкой, из чего следовало то, что день у нее прошел вполне приемлемо.

– Мрачный красавчик пришел, – сразу пошутила Катя, сладко целуя Шилова в губы. – Хочешь устроить ужин, полный любовных приключений, сыщик?

Он мягко улыбнулся и сказал:

– Сейчас для этого самое время.

Уже за столом на кухне они по-настоящему любовались друг другом. Катя была (как всегда) великолепна с этой своей прической брюнеточных волос, не особенно длинных, но неизменно привлекательных, когда при свете электрического солнышка лампочки она поправляет черноватую челку, тьма волос с затылка гладит ее плечи и шею, которую непременно хочется целовать вампирически долго...

– Ты, кстати, с этой щетиной сильно напоминаешь того детектива из «Острова проклятых». Его Ди Каприо играл, помнишь? – Катерина игриво отпила из бокала, соблазнительно сверкая взглядом на Олега. Ей уже не терпелось.

– Вот и отлично. Правда, я полагал, что больше похож на Брэдли Купера. По крайней мере в том фильме ужасов, где он фотографа в метро играет... – заулыбался Шилов расслабленно и сыто. – Жаль, конечно, но убрать щетину все-таки придется. Хотя, если я сообщу Сергеичу о том, что моя жена мне запретила бриться, он меня наверняка пощадит.

– Вот именно! Главное, чтобы я тебя сегодня пощадил. А то вдруг ты на службе перетрудишься, бедняжка.

– Сейчас доем эту вкусноту, и увидишь, насколько я сам способен тебя утомить.

Когда все закончилось, и мягкий полумрак, сформированный желтоватым светильником-светлячком, скользил по стенам спальни, они оба отдохновенно лежали на простынях, а их разгоряченные тела приятно остывали, испаряя пот наслаждения.

Катя, благодарно-удовлетворенная, гладила мужа по сильной руке. Олег, довольный собой, смотрел высоко в потолок, словно пытаясь беззвучно молиться.

– Как думаешь, на этот раз получится? – спросила Катерина голосом, слегка дрожащим от надежды; голосом, гипнотически-вязким после оргазма; голосом женщины, которая больше всего на свете желает родить ребенка.

– Я очень хочу, чтобы получилось, родная...

Шилов обнял свою красавицу-жену, а она уже всю представляла их, гуляющих в парке с ребенком, который унаследовал всю привлекательность родителей... Ребенок этот станет для них самым лучшим; такой долгожданный, такой любимый.

А если повезет, то детей будет двое.

Кристиан собирается в гости.

Он проснулся недавно, будто вылез из зеркала... Мама и папа решили посвятить выходной день походу к семье дяди Миши – старшего брата папы. Кристиану будет весело, он это знает точно.

Умываясь в ванной комнатке, где волны ветра накрывают сталь веков, перекрывая кран с горячей смесью, Кристиан смотрит сквозь «вид». Мужчина в куртке, под которой есть кобура с пистолетом, входит в квартиру; мама с папой не против; они радушно приглашают гостя (он, кстати, следовательно, именно так); мужчина держит в руках письма откуда-то; от этих бумажек жуткий «след»; преступления, которые сложно раскрыть; Кристиан берет пальцами одно из посланий убийцы... Вода спокойно льется на ладони мальчика. Кристиан опять заглядывает в зеркало – он, оказывается, уже умылся, даже зубы почистив.

– Милый, ты готов одеваться? – доброе лицо мамы заглядывает в ванную, и Кристиан улыбается, радуясь предстоящей встрече с Милой, Игорем и их родителями.

В папиной машине пахнет сентиментальным бензином, но Кристиану даже нравится, а папа ведет автомобиль довольно уверенно. Мамино полулицо виднеется в проем гор подголовников, когда она поворачивается влево и глядит на то, как поток галактик мелькает среди небоскребов, а окна глаз домов сливаются в один огромный кратер... Время точно прыгает вперед: дверь квартиры дяди Миши открывается, румяный папин брат (веселый толстячок в трико, тапочках и серой рубашке) стоит на пороге.

– Витька, Лена! Крестик! Заходи, ребята. Щас скоро за стол будем садиться...

На кухне тетя Люба почти приготовила угощение.

Кристиана пока отправили в комнату к Игорю и Миле, которая почему-то еще не вернулась из школы, хотя сегодня суббота – уроков должно быть не много.

– Привет, Кристо. Как дела дома? – веселый голос Игоря возвещает, что в его семнадцатилетней жизни пока все очень даже неплохо.

Кристиан, садясь в кресло у компа, отвечает (любясь плакатами Mudvayne, Slipknot, Crossbreed и KoRn, размещенных по периметру бежево-желтых обоев) в размеренно-неопределенной манере, подспудно повествуя про множество случайных подробностей, происходящих где-то в прошлом... Вот белая дверь комнаты отворилась – это Мила пришла из школы. Ей сразу понравился Кристиан у них в гостях.

Миле одиннадцать лет. Она красивая девочка. Она добрая. Миле к лицу ее белоснежные косички. Она веселая, с ней интересно...

Кристиан очарованно (точно покоится в искусственном сне) следит беспечным взглядом за тем, как Мила, преодолев «кавычечное» облако у платяного шкафа, вешает во тьму свою красно-светлую курточку, после чего уходит мыть руки и лицо, столь удивительно прекрасное (как обычно, впрочем).

Совсем скоро тетя Люба зовет всех к столу, а папа говорит дяде Мише, что он сегодня за рулем, и будет пить только что-нибудь безалкогольное. Зато мама вовсе не отказывается от пузатого бокала вина, а все остальные (разместившись за большим столом) уже угощаются салатами, жареной курицей и много чем еще...

Через почти полный час Кристиан вместе с Милой уходят в маленькую дальнюю комнату с лоджией где-то снаружи, из которой видно все небо целиком.

В комнате темно. Мила даже прижимается к мальчику, чтобы оба не испугались каких-нибудь чудовищ или страшной ситуации, когда ожидаемый президент, готовый выиграть в первом туре без особых проблем, разбивается в авиакатастрофе на пути в очередной «предвыборный» город, и его оппоненты-конкуренты начинают делить власть, стараясь гораздо сильнее, чем при живом фаворите...

– Ты не боишься темноты? – спрашивает девочка, ее голос очень приятен сейчас. Кристиан отвечает Миле, что только в темноте чувствует себя настоящим.

К ним в комнату тихо заходит Игорь, освещая пространство «фонариком» экрана мобильного телефона.

– Целуетесь, ребята? – шутливо спрашивает парень, усаживаясь на широкий подоконник. Луч света блуждает по стенам, словно заговоренный, он ищет невидимых людей из несуществования, он хочет вцепиться в их лица, но тех призраков совершенно нет. Игорь говорит (намеренно страшноватым голосом):

– Знаете, у нас ведь в городе серийный убийца завелся... Режет всех направо и налево. Я про это в школе слышал. Говорят, по ночам нападает, уже девять человек убил...

Кристиан практически не слушает двоюродного брата, который продолжает запугивать его и Милу рассказами про маньяка, а ночные лица чудес за стеклопакетами лоджии мрачно

кружатся, перекрывая бок луны, уничтожая звезды на короткий срок. Тут дети понимают окончательность праздничного вечера. И то, что Кристиана скоро заберут домой.

Уже в прихожей, прощаясь друг с другом, все родственники довольно долго обсуждают ближайшую возможность новой «пьянки» (как выразился совсем повеселевший дядя Миша)

...

Кристиан внимательно смотрит на сестру, а Мила вообще сейчас красива, чрезмерно и увлекательно...

– До свидания, Кристо, – улыбочиво прощается с братом обладательница белооблачных косичек. А он говорит ей «Пока...» и выходит в тускло-мутный периметр лестничной клетки за мамой и папой.

Нежная ночь истомилась, ожидая свершений, выбирая себе забавы.

Олег Шилов шел по коридору прокуратуры, спеша к своему непосредственному начальнику для отчета о «проделанной работе». А ведь докладывать особо было нечего.

Олег Ильич остановил ход движения у кабинета руководителя отдела – полковника юстиции Дмитрий Сергеевича Прелучного, после чего громко стукнул в дверь три раза и заглянул внутрь кабинета.

Шилов сразу наткнулся на строгий взор старшего следователя по особо важным делам, сидящего за большим столом, сделанным «под черное дерево», на котором размещалось множество сувенирно-декоративных предметов (не было разве что наградного пистолета из бронзы).

Сам полковник Прелучный выглядел суровым дядькой в синем мундире с отливом; он легко напоминал человека, способного из-под усов своих напутственно наорать не менее чем на президента.

– Ну заходи, сыщик по фамилии Холмс, – Дмитрий Сергеевич ободряюще усмехнулся младшему коллеге, и Шилову буквально пришлось завести себя в пределы светлого кабинета, усадить на неудобный стул и снова выдержать тяжеловесный взгляд начальника отдела.

– Чем-нибудь порадуешь? – Прелучный саркастично смотрел будто бы вглубь папки для бумаг, которую держал в руках молодой следователь. – По делу Ангела появились результаты? Никаких?

– Дмитрий Сергеевич, вы же понимаете, насколько тяжело изловить серийного убийцу... Все стараются, отрабатываются версии. Оперативники из кожи лезут.

– Да. А новый труп у нас опять почему-то появился... – голосом старшего следователя можно было зарезать осужденного на пожизненное. – Плохо вы, господа полицейские, работать стали. Какой-то урод херов девять человек прикончил, и не разом причем, а с промежутками, постепенно. Но при этом у нас даже подозреваемого не имеется. Хороши, оперативники...

Полковник юстиции выругался отборным матом. Затем, чуть смягчив тон, произнес:

– Эх, Олежа. Если б я твоему бате не был обязан, вылетел бы ты у меня отсюда, как пустая гильза из «макара»... Лови! Лови этого поганца... Найди мне этого Ангела чертового, – глаза Сергеича наполнились мрачной злобой, но долго это не продлилось. Полковник Прелучный вдруг протянул крепкую руку куда-то перед собой (из-за миниатюрных часов, установленных внутри «гранитного» постамент-обелиска, оказалось нельзя высмотреть, что именно начальник хочет взять со стола), а через секундный промежуток перед заинтригованным Шиловым уже поблескивала визитная карточка.

– Здесь номер телефона одного специалиста, как говорится, по мозгам, – усатое лицо начальника отдела приобрело вид физиономии фокусника, только что осчастливившего школьника младших классов, едва не разуверившегося в чудесах волшебства окончательно перед последним номером программы...

– Значит, к психологу меня отправляете?

– Да. Но не лечить тебя, а ради посильной помощи в расследовании. Возможно, составит тебе психологический портрет преступника. Тогда будет хоть какой-то набор примет, – слова прозвучали почти мечтательно. И Олег Ильич благодарно принял визитку, ловким движением уложив ее в карман легкой куртки.

– Все. Иди работать, Пуаро.

Дмитрий Сергеевич демонстративно склонился над собственными отчетами, настоятельно подавая пример трудолюбия и служебного рвения.

Уже у открытой двери Шилова нагнал внезапный вопрос:

– Ты форму вообще носить не собираешься?

– Когда маньяка Ангела поймаю, тогда и надену. На вручение орденов, – следователь с вызовом улыбнулся старику-полковнику и прикрыл за собой дверь, покидая сложную атмосферу кабинета.

Спокойный Кристиан спит. И снится ему сон: темно-зеленая глубина коридора какой-то больницы (или дурдома); мальчик идет вперед, но будто потолок со стенами и полом – все ползет против хода маленьких ног; шуршащие создания уплетают систематику времени, когда перестают существовать; Кристиан сворачивает в ночное пространство событий, а помещение детской полнится чем-то нелепым и гадким; в дверь мрачно стучат, хотя мальчик точно знает, что в квартире кроме него нет никого; механическая собака прогрызает выход, и тогда Кристиан идет дальше куда-то, не собираясь сворачивать никуда; он очень отчетливо понимает свою «усыновленную» судьбу, но это не особенно его волнует холодным притоком кровавых пятен в мозгах; мертвая кошка выходит на свет; мальчик глядит через ночь мрачным взглядом, а идолопоклонники уже возвещают взятие небес; подвал расходится запретами других дверей; и Кристиан теперь способен вспомнить о том, что он ребенок не родной, возможно, даже не любимый; ему пришлось ступать по времени, а механическая собака гремела лапами рядом; они пришли туда, где крыши сходились сиреновой чередой, и можно было не вникать в происходящий ветер западной пустыни, который несет солнце в своих объятиях света, даруя его всему вокруг; Кристиан смотрит далеко с этой старой крыши; огромный город начинает постепенно просыпаться (сквозь предрешенность, как песок)...

О встрече с врачом-психиатром Захаром Темновым следователь Шилов договорился по телефону.

– Да, могу. Давайте сегодня, после часа, – говорил довольно молодой голос из мобильного в ухо Олегу Ильичу. – У меня как раз закончится смена...

Решили встретиться для беседы где-нибудь «на нейтральной территории». В половине второго Шилов бодро вошел в помещение кафе-бара «Экстра-пицца», что размещалось в самом центре города.

Почти пустой зал был буквально залит светом, обильно проникающим через витрино-подобные окна. За столиками рядом со стойкой весело шумели дети, угощаясь мороженым, молочными коктейлями и газировкой, а их устало-расслабленные родители обсуждали что-то важное между собой.

Олег Ильич продолжил осмотр места встречи: в дальнем углу (за два столика от парочки симпатичных студенток) пил пиво какой-то парень, коротко стриженный и крайне небритый. Больше в баре не было никого. Где же этот психиатр? Еще не пришел, опаздывает?

Шилов направился к свободному месту, чтобы перенести моменты ожидания за чашкой горяче-крепкого кофе, когда молодой человек из угла оставил свою пенную кружку и уверенно двинулся к следователю.

– Олег Ильич, это вы, верно? – спросил парень, напряженно улыбнувшись. Шилов изумленно кивнул.

– А меня зовут Захар. Давайте присядем за мой столик...

Доктор Темнов вернулся к своему пиву, Олег Ильич сел напротив психиатра, которому по виду оказалось лет 25 (и напоминал он какого-то рок-музыканта, а вовсе не врача).

– Значит, будем вычислять серийного убийцу, – начал Захар с неподдельным энтузиазмом в голосе. – Я кое-что читал про это дело в газетах и в Интернете, но, как понимаете, этого не вполне достаточно. Вы принесли его письма, как я просил?

Пока следователь вынимал из папки ксерокопии всех посланий Ангела, парень-психиатр сделал пару охлаждающих глотков, осушив кружку до половины.

– Тут еще есть заключения судебно-медицинских экспертиз по всем эпизодам, если вам это поможет, Захар Андреевич...

– Да, конечно. И зовите меня просто Захаром. Мы ведь не у вас в кабинете на дознании. И не у меня на приеме, – Темнов забрал бумаги у следователя, разложив их на столе, начал с интересом читать.

Оставив психиатра за изучением материалов дела, Олег Ильич направился к барной стойке, где заказал кофе. Приятная девушка в черных брючках и белой сорочке с фирменным логотипом заведения, приколотым к кармашку на левой груди, выбила в кассе чек, после чего подала Шилову крупную чашку бодрящего напитка, «сочащегося» ароматным дымом.

С чувством легкого сожаления, что приходится покинуть эту красоту за стойкой, Олег Ильич вернулся к сосредоточенному Темнову, который уже прочитал все письма маньяка-убийцы и стал бегло знакомиться с описанием повреждений на телах жертв.

Следователь Шилов успел допить кофе, когда Захар сложил листочки ксерокопий на краешке стола и загадочно произнес:

– Очень интересный случай...

– Что-нибудь конкретное можете сказать? – внимательный взгляд Олега Ильича «вонзил» в лицо собеседника-специалиста. Шилов будто ожидал чего-то феноменального, способного спасти десятки жизней. Он жаждал ту информацию, которая укажет на маньяка.

Вместо ответа доктор Темнов, извинившись, отошел к стойке и купил еще пива. Затем сел на свое место, немного отпил из бокала и начал увлеченно объяснять:

– Думаю, опираясь на факты, что убийце от двадцати до тридцати лет, он почти ни чем не отличается от самого обычного человека. Это касается как внешности, так и поведения. Если этот маньяк сейчас войдет сюда, мы его даже не заметим, внимания не обратим. А он, возможно, почувствует, что вы следователь, и сразу же уйдет... Просто девять трупов, ноль свидетелей. Это говорит о его безотказном чутье, впрочем, он не очень осторожен. Эти его письма-записки указывают на огромную тягу к общественной известности. Примерно таким же тщеславием обладал Зодиак, отправлявший довольно дебильные письма репортерам и звонивший в полицию после очередного своего деяния. Или, к примеру, Сын Сэма – Дэвид Берковиц – иногда оставлял записки на месте убийства. Ну, или вообще Владимир Муханкин, который мечтал превзойти Чикатило по числу жертв, уже в тюрьме написавший множество стихов. Он все-таки превзошел свой «пример для подражания» по скорости и регулярности убийств... Так вот, наш маньяк тоже ищет славы, склонен к литературному труду, так сказать.

– Значит, прославиться хочет, ублюдок... – гневные нотки в голосе следователя словно пылали проклятием в адрес преступника. – Почему все-таки его нельзя узнать по поведению? Неужели этот урод настолько хитер?

– Дело вовсе не в этом, – Захар покачал головой крайне отрицательно. – Серийные убийцы зачастую имеют так называемую «максу нормальности», которая легко позволяет им притворяться довольно добросовестными людьми, исполнительными работниками, даже любящими мужьями, хорошими отцами, бывает и такое... Суть «маски нормальности» в том,

что через нее копится весь негатив, который можно уничтожить одним махом, убивая избранный предмет насилия. Такое состояние называется фрустрацией. Обычные люди в своем большинстве «сравливают» этот негатив потихоньку, не сразу. А серийный маньяк-убийца убирает фрустрацию за кратковременный момент выброса негатива во время убийства. Даже если он, как Головкин, будет мучить жертву часами, все равно – достаточно нескольких секунд, чтобы получить разрядку психики...

Захар напряженно замолчал, точно вспоминая подробности неких кошмаров (или наоборот – стараясь выбросить из головы нечто жуткое, но уже досконально изученное). Парень-психиатр глотнул пива и стал говорить дальше:

– Самое удивительное в нашем случае заключается в том, что этот Ангел использует крайне разные методы убийства своих жертв. И, кстати, сами убитые никак не попадают под один конкретный критерий. Совершенно разные люди. Между собой вообще не связаны. Он их выбирает почти наугад, случайно... А уж варианты, так скажем, уничтожения лично у меня вызывают мысль о раздвоении сознания этого Ангела. Или о его своеобразной гениальности в плане убийств. Этакой изобретательности, сильной человеку с многогранным воображением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.